

Život Stěfana Permského od Jepifanije Moudrého

Co se ve starověku a středověku pokládalo za vrcholné literární hodnoty, často se neshoduje s dnešními kritérii. Máme-li být historicky objektivní a chceme-li pochopit dobu, musíme přihlížet k odlišnostem složení středověkého písemnictví, k velkému počtu nebeletristických děl, jiných, zaniklých žánrů apod.

Do sféry hagiografie a náboženské rétoriky patří i oba životy ruských světců sepsané Jepifanijem Moudrým, autorem konce 14. a prvních desetiletí 15. století. Život Stěfana Permského, šířitele křesťanské osvěty v permské zemi u národa Komi, a Život Sergije Radoněžského, který založil Trojicko-sergijevský klášter (lavru) v dnešním Zagorsku poblíž Moskvy.

Jepifanij byl vzdělaný mnich. Pocházel z Rostova, byl znalý biblické i patristické literatury (o starokřesťanských svatých otcích a jejich učení), scestovalý a sčtělý v byzantském i jihoslovanském písemnictví. Přes třicet let strávil v Sergijově klášteře svatě Trojice, kde poznal i samotného Sergije Radoněžského.

Je představitelem strojeného stylu, tzv. splétání slov (плетение словес), které se vyznačuje hromaděním přirovnání, jež na sebe navazují jako jednotlivé články pleťiva, varírováním tradičních metafor a zvukomalbou. Stylistické prostředky dodávají textu zvláštní povznesenost, emocionalitu a expresivnost. Cílem bylo co nejvíce vyzvednout světce a jeho zásluhy, dodat mu vznešenosti, která by jej odlišovala od „obyčejných“ lidí. Za tím účelem autor sahá i k sebeponižování, které je zde stylistickým prostředkem.

Styl splétání slov je výrazně reprezentován právě Životem Stěfana Permského, z něhož uvádíme ukázkou.

ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Месяца апреля в 26 день, преподобнаго в священноинокахъ отца нашего Елифаниа съчинено бысть слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа. Благослови, отче.

Зачало о житии его. Сии преподобнии отецъ нашъ Стефанъ бе убо родомъ русинъ, отъ языка словеньска, отъ страны полунощныя, глаголемья Двиньския, отъ града, нарицаемаго Устьяга, отъ родителю нарочиту, сынъ некоего христороубца, мужа верна христиана, именемъ Симеона, единаго отъ клирикъ¹ великия съборныя церкви святыхъ богородица, иже на Устьюзе, и отъ матере, такоже крестианы, нарицаемья Мариа. И еще детищемъ сый, изъ млада, вданъ бысть грамоте учити, юже вскоре извыче всю грамоту, яко до года и конархати² ему; таче и чтець бысть въ соборней церкви. Бе убо превзиде паче многихъ сверстникъ в роде своемъ, добропамятствомъ и скоровычениемъ преуспеваа и остроумиемъ же и быстростию смысла превосходя. И бысть отрокъ доброразумиченъ зело, успеваше же разумомъ душевнымъ, и верстою телеси³ и благостию. Къ де-

темъ играющимъ не приставаше; иже въ пустошь текущимъ, и всуе тружующимся, и тщетнаа гонящимъ не внимаше ни водворяшесе с ними; но отъ всехъ детскихъ обычаевъ и нравъ и игръ отвращашесе, но точию на славословие упражняся, и грамоте прилежаще, и книгамъ всякимъ вычению издавсѣ⁴: ти тако, божиимъ дарованиемъ, вмале много извыкнувшу ему естествоною остротою ума своего. Научи же ся въ граде Устьюзе всеи грамотичней хитрости и книжней силе. Възрастьшу ему въ девьстве и въ чистоте и целомудрии и многы книги почитавшу, ветхаго и новаго завета, и оттуду рассмотривъ житие света сего маловременное и скоро минующее и мимо ходящее, акы речнаа быстрина или акы травный цвѣть, апостолу глаголющу: мимо идетъ слава мира сего, акы травный цвѣть; и усше⁵ трава и цвѣть ея отпаде; глаголь же господень пребываетъ въ веки; и другому апостолу глаголющу: всемъ намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ; и еже въ святыхъ евангелиихъ господу глаголющу: иже кто оставитъ отца и мать, жену и дети, братию и сестры, дома и имениа имени моего ради, сторицею⁶ приметъ, и животъ вечный наследитъ: и пакы, аще кто не отвержется сихъ всехъ предреченныхъ, не можетъ мой ученикъ быти; и прочаа ина многа таковаа и подобна симъ, иже въ святомъ писании лежащаа, о семъ глаголющая. Сему приде божиа любви⁷, еже оставити отечество и вся суцаа имениа, и просто рещи, всеми добродеении украшенъ бе отрокъ той, поспеваа върастомъ въ страхъ божи, и страхомъ божиимъ умилился, и еще младъ, ся богу да въ уности, отрокъ сый верстою⁸ пострижесе въ черньци въ граде Ростове, у святаго Григориа Богослова въ монастыри, нарицаеме въ Затворе, близъ епископья, яко книги многы бяху ту доволны суца ему на потребу, почитания ради, при епископе ростовстемъ Парфении, отъ руку же острижесе некоего старца, прозвутера⁹ суца, саномъ священника, именемъ Максима игумена, прозвище Калина; отъ того облечесе въ мнишеский чинъ, и добре потружався во иноческомъ житии, и много подвизався на добродетель, постомъ и молитвою, чистотою и смиренем, въздержаниемъ и трезвениемъ, терпениемъ и безлобиемъ, послушаниемъ же и любовию, паче же всехъ вниманиемъ божественныхъ писании, иже много и часто почитавъ святыхъ книги и оттуду всяку добродетель приобретаа и плоды спасенныя приплодивъ. И в законе господни поучаеся день и ношь; и бысть яко древо плодовито насажено при исходящихъ водъ¹⁰ и часто напаяемо разумомъ божественныхъ писании и оттуду прорастаа грезнь¹¹ добродетели, и процветаа виды благоволения, темъ и плодъ свои дасть въ время свое... И тако за многую его добродетель поставленъ бысть въ диаконы отъ Арсения князя и епископа ростовскаго. Таче¹² по семъ бо преставлении Алексиа митрополита, повелениемъ наместника своего, именемъ Михаила, нарицаемаго Митяа, поставленъ бысть въ прозвутеры отъ Герасима епископа коломенскаго. И изучися самъ языку пермьскому, и грамоту но-